

УДК: 811.111

Адолина Лариса Валерьевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры «Журналистика и славянская
филология» Гуманитарно-педагогического института
Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования
«Севастопольский государственный университет»
Рома Владимир Владимирович,
студент Гуманитарно-педагогического института
Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования
«Севастопольский государственный университет»

КОНЦЕПТ «КРЫМСКАЯ ВОЙНА» В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ С. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО «СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ СТРАДА»

В статье рассматривается языковая объективация концепта «Крымская война» как экспонента русского языкового сознания периода Крымской (Восточной) войны в романе-эпопее С. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда».

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, концепт, русское языковое сознание.

Adonina Larisa Valerevna,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of «Journalism and Slavic Philology» department
in Humanities Pedagogical Institute
of Federal state educational institution of higher education
«Sevastopol National University»

Roma Vladimir Vladimirovich
student of Humanities Pedagogical Institute
of Federal state educational institution of higher education
«Sevastopol National University»

THE CONCEPT OF «CRIMEAN WAR» IN THE EPIC NOVEL OF S. SERGEEV-TSENSKII «SEVASTOPOL STRADA»

Abstract. *The article discusses the concept of linguistic objectification «Crimean War» as a Russian language consciousness the exhibitor during the Crimean (Eastern) War epic novel by S. Sergeev-Tsenski «Sevastopol Strada».*

Keywords: *cognitive linguistics, cultural linguistics, concept, Russian language consciousness.*

Актуальность данной работы исходит из исследования форм экспликации информации о Крымской войне в языке как элементе целостного этнического самосознания русских; обусловливается необходимостью исследования русской языковой личности эпохи Крымской войны, а также содержания и структуры композитивного концепта «Крымская война» как экспонента русского языкового сознания писателей.

Эпоха Крымской, или Восточной войны 1853–1856 гг. — одно из крупнейших событий европейской истории середины XIX века. События Крымской войны и последовавшие вслед за ней реформы стали переломным моментом в истории Российской империи. Повлияли они и на общественное сознание, кардинально изменив лингвокультурную ситуацию в России. За годы войны в русском обществе произошла

переоценка ценностей. Крымская война затронула интересы широких слоев русского общества, но в большей мере ее результаты взволновали представителей придворно-бюрократических кругов. Для многих из них поражение России в войне означало крушение николаевской системы, которую они создавали совместно с императором и которой верно служили.

Языковая картина мира содержит реалии, связанные с Крымской войной, которые отражают ее восприятие писателями, поэтами, общественными и государственными деятелями второй половины XIX в., о причинах начала войны и поражения русской армии, о влиянии этих событий на существующий режим и на проводимую николаевской Россией внешнюю политику.

Русское языковое сознание второй половины XIX в. характеризуется социальной неоднородностью [5], что проявляется в разнонаправленных оценках Крымской войны: оснований для ее начала, причин поражения России, а также мнений о заключении мира и влиянии войны на внешнюю и внутреннюю политику страны. «Война» — сложный концепт, актуальность изучения которого объясняется целым рядом причин. В первую очередь тем, что в России, история которой полна войнами и конфликтами, война как общественно-историческое событие выпадает на долю практически любого поколения россиян. В концепте «Крымская война» как фрагменте русского языкового сознания второй половины XIX в. не только аккумулируется информация, связанная с военными действиями, которые вела Российская Империя в Крыму, но и определяется самобытность русского народа, его мировоззрение.

В общем историко-политическом контексте Крымская кампания 1853–1856 годов, частью которой явилась знаменитая оборона Севастополя, была войной России против широкой коалиции (Великобритания, Франция, Турция, Сардинское королевство) за жизненно важные интересы в районе Черного моря, позиции на Балканах и в Закавказье. Объективно оборонительный со стороны России характер Крымской войны приходил в противоречие с реакционным уже на тот момент содержанием николаевской монархии. Это противоречие нашло отражение в эпосе С. Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда», где, с одной стороны, изображены прогрессивные военачальники и передовое офицерство, широкая масса патриотически настроенных солдат, матросов и простых горожан, а с другой — косные реакционеры: крепостники-помещики, генералы и министры, сам монарх — «тиран в ботфортах» (А. Герцен). Свою художественную задачу Сергеев-Ценский видел в том, чтобы «из имени сделать образ». Начиная повествование романа с описания бала при дворе, писатель вводит большое количество исторических личностей: Меншикова, Корнилова, Нахимова, многих европейских и российских политиков.

Эталонным в русском языковом сознании эпохи Крымской войны является образ Петра Первого, государя, с именем которого связывается безопасность русских границ. Историческое предназначение многих российских монархов мерялось сопоставлением именно с этой исторической фигурой. Так, **Николай I** — «великолепный фронтовик, огромного, свыше чем двухметрового, роста, длинноногий и длиннорукий, с весьма объемистой грудной клеткой, с крупным волевым подбородком, римским носом и большими нависающими глазами, <...> император Николай I перенял от своего отца маниакальную любовь к военному строю, к ярким раззолоченным мундирам, к белым пышным султанам на сверкающих, начищенных толченым кирпичом, медных киверах; к сложным экзерцициям на Марсовом поле; к торжественным, как оперные постановки, смотрам и парадам; к многодневным маневрам, хотя и совершенно бесцельным и очень утомительным для солдата, но радовавшим его сердце картинной стройностью бравой пехоты, вымуштрованной кавалерии и уверенной в себе артиллерии — тяжелой, легкой, пешей и конной... » [4]. Но «колоссального роста и могучего голоса оказалось далеко не достаточно, чтобы стать вторым Петром. Не помогли Николаю и огромная трудоспособность и память, если и отнюдь не „незлбная“, то все же, по общим отзывам современников,

выдающаяся» [Там же]. В «Севастопольской страде» образ царя не статичен. Вначале это властитель, убежденный в победоносной мощи крепостнического государства; затем человек, осознавший катастрофичность случившегося, сломленный, готовый к уходу из жизни. Но постоянно в образе самодержца видна отсталость в управлении государством, и как вершина социальной пирамиды он распространяет и на других рутинную помещичью психологию. Таков главнокомандующий русскими войсками в Крыму князь **Александр Сергеевич Меншиков**.

Это отважный воин, образованнейший человек своего времени, способнейший дипломат, непримиримый враг аракчеевщины, его ум, созданный «для того, чтобы кусаться», в годы правления Александра I настроило монарха против него. Но восстановленный за прежние заслуги на службу в царствование Николая I, Меншиков уже другой человек: из прогрессиста, реформировавшего русский флот, он превращается в главное препятствие каких-либо передовых начинаний. В оценке новых идей и всей политической обстановки он пренебрежительно недоверчив и близорук. Однако именно степень перерождения храброго и инициативного воина в рутинера-крепостника меряется рост служебного положения Меншикова. Но в романе Сергеев-Ценский показан и рост манкирования князя относительно солдат и матросов, оставляемых на поле брани, бросаемых, по словам хирурга Пирогова, «как собак, чуть только они ранены» [4]. В этом он поразительно похож на Николая I, главнокомандующего, удивлявшего своих министров, вынося «часто решения, совершенно неожиданные для них по своей непродуманности, зато самостоятельные и без задержек» [4].

При этом в романе с выдающимся мастерством воссозданы образы выдающихся флотоводцев. Боевой генерал **Горчаков** — «участник многих сражений, и на его опытность возлагал большие надежды Меншиков в случае, если бы действительно англо-турко-французы вздумали когда-нибудь впоследствии, ради демонстрации, высадиться в Крыму» [4]. «Два Аякса флота» — вице-адмиралы **Корнилов** и **Нахимов** — «мозг и сердце флота» [4]. **Корнилов** — «человек увлекающийся, испытанной личной храбрости в морских боях, очень хорошо знавший морское дело...» [4]. И главной определяющей силой в романе, закономерно разделявшей героев эпопеи на два непримиримых лагеря, является народ. Слово «страда», употребленное Сергеевым-Ценским в названии его произведения, как обозначение рабочей поры для земледельца, символизирует ратный подвиг простых крестьян (пластуна Василия Чумаченко (он же крепостной Терентий Чернобровкин), Петра Кошки, сибиряка-енисейца Матвея Шелкунова и т. д.), мечтавших о подвигах, но честно выполнявших воинский труд-страду.

Образный состав концепта «Крымская война» включает в себя антропоморфные образы, связанные с именами европейских политиков (Г. Д. Палмерстон, Луи-Наполеон, Наполеон I), турецких политиков (султан Абдул-Меджид I), российских политиков (Петр I, Николай), врагов (французов, англичан, турков, басурман), защитников отечества (богатыри, дружины славы, сестры Крестовоздвиженской общины, Суворов, Горчаков, Лидере, Шильдер, Ушаков, Соймонов).

В образном компоненте «Крымская война» выделяются когнитивные признаки «**французы**» и «**русские**». Антропоним **Луи-Наполеон** заменен существительным француз, указывающим на национальную принадлежность политика. Наблюдается семантическое сближение понятий «враг» и «француз», которое восходит к Отечественной войне 1812 года, когда образ врага слился воедино с образом француза. Образ русских же собирателен, передается через характерные слова: «мы», «семья», «орлиное гнездо», символизирующих главную силу русских — их единство. В целом, дробному образу **врага** России противостоит целостный образ **защитников России**. Это определяет антонимичность русского языкового сознания эпохи Крымской войны: то, что связано с Россией, русскими имеет положительную коннотацию, а то, что ассоциируется с союзниками, — отрицательную. Поэтому подобными когнитивными признаками в концепте «Крымская война» наделены и понятия «**русские**» и

«европейцы» — противопоставленных друг другу духовных антиподов.

Эмоционально насыщенными в концептуальном поле эпопеи Сергеева-Ценского являются **женские образы**. Женщина в русском языковом сознании эпохи Крымской войны не только сохраняет значение «сестра», «мать», но и приобретает новое — «защитница Отечества». Так, весьма ярко эксплицирован образ сестер Крестовоздвиженской общины, в качестве младшего медицинского персонала оказывавших помощь медикам в организации помощи раненым и больным: «Стремившиеся оказать какую-нибудь помощь жертвам особой заботливости высшего начальства сестры милосердия и врачи становились около них на колени в лужи, в грязь, а жертвы эти — посинелые, полуживые — безостановочно стучали зубами, безудержно трясясь...» [4].

Центральное место в концепте «Крымская война» занимает **образ-символ России**. Он метафоричен: «...на Корниловском бастионе, основной твердыне Севастополя, сидела прямо против него на смолистых краснокорых сосновых русских бревнах как будто вся целиком простонародная Россия, грубоватая, правда, но не зря же старавшаяся на протяжении многих веков пошире и покрепче удержаться на земле...» [4]. Компонент-концепт «Россия» в «Севастопольской страде» представлен двумя образами: Россия крепостническая, самодержавная и Россия народная. С большой любовью, с проникновением в психологию и внутренний мир героев обрисованы медсестра Даша Севастопольская, матрос Кошка, талантливые и преданные России, отстаивающие ее честь и достоинство Корнилов, Нахимов, Тотлебен. Сергеев-Ценский не ограничивает себя изображением только города основного противостояния Севастополя: в его эпопее представлена вся Россия — Петербург, Москва, провинция, деревня: «Но в этих двух коротких словечках таился какой-то отдаленно глубокий, нутряной смысл, точно вся огромная родина защитников Севастополя — Россия — говорила устами сестры с передовой позиции — ключа Севастополя» [4].

Контрастирующими по коннотации выявляются образы **Россия — Европа (Англия, Франция) — Турция**. В концептуальном поле «Крымская война» образ Англии противопоставлен образу России. Более того, русское языковое сознание отмечает мощь России, способной вопреки представлению о превосходстве англичан и отсталости флота Российской империи, отбить врага: «И Англия, бывшая до того с Францией в отношениях, близких к войне, протянула ей руку для борьбы с „нарушителем европейского равновесия“ — царем Николаем» [4]. Русское оружие в русском языковом сознании эпохи Крымской войны символизирует военные успехи, тогда как оружие противников, напротив, — неспособность противостоять русским. В руках русских даже трехгранная кочерга превращается в оружие, способное нанести противнику поражение.

Топонимы **Москва, Париж** для русской лингвокультуры середины XIX века значимы, поскольку знаменуют две столицы противоборствующих стран. **Город** по своей природе символизирует защищенность — это убежище от врагов: «За кулисами театра военных действий — в Лондоне, Париже и Вене — ткалась в апреле сложная и хитрая дипломатическая паутина, в которую политики Англии и Франции непременно хотели окончательно запутать Франца-Иосифа и добиться от него объявления войны России» [4].

Понятийный компонент композитивного концепта «Крымская война» является сложным образованием. В него входят группы когнитивных признаков компонент-концептов, семантические пространства которых совпадают с концептом «Крымская война» [3]. Так, например, когнитивный признак **«время»** представлен лексемами «бывало», «теперь». Время в образном компоненте концепта «Крымская война» лишено конкретики. Оно актуализировано семой «эпоха, период в жизни человечества, народа, государства, общества» [1].

Рассмотрим конкретнее ряд наиболее репрезентативных компонентов исследуемого концепта и лексических средств, использованных Сергеевым-Ценским для его раскрытия в эпопее «Севастопольская страда».

Итак, компонент-концепт **«мир»** в русской языковой картине мира

противопоставляется концепту «война». Это связано с тем, что лексемами-номинантами данных концептов являются антонимы *мир* — *война*. В концепт-компоненте «мир» актуализировано всего два значения слова мир: «страны не воюют, они живут в мире» и «мирный договор между бывшими противниками в войне». Понятийная зона компонент-концепта «мир» представлена когнитивным признаком «поражение»: поражение русской армии, который отражает отношение общественности к подписанию мирного договора как поражению в Крымской войне; и когнитивным признаком «победители», номинированном такими лексемами, как страны-победительницы, Франция, Англия, Турция, Сардиния.

Компонент-концепт **«политика»**. Интерпретационная зона этого компонента содержит когнитивные признаки, отображающие слабость политической системы Российской империи. Русское языковое сознание XIX в. фиксирует ответственность самого народа за тех политиков, которые определяют векторы развития страны. Когнитивные признаки таковы: «(всегда) виноват народ» и «предательство своего народа».

Особую роль в компонент-концепте «политика» играют когнитивные признаки, характеризующие ближайшее окружение императора. В русском языке запечатлелось двоякое отношение к князьям Горчакову и Меншикову. С одной стороны, Горчаков предстает как истинный патриот страны, а с другой стороны, указывается на его недальновзоркость и даже глупость. Когнитивный признак «необдуманные решения» актуализирует в концепте информацию, связанную с интеллектуальными способностями князя Горчакова. В Александре Михайловиче Горчакове и его ближайшем окружении общественность видит изменников. Подобное отношение наблюдается и к Меншикову. Признак — «измена политиков».

Неудачи России в Крымской войне связаны с неумелым руководством империей. Признак — «плохие политики»: «Все знали, что Севастополь хорошо укреплен с моря, но все видели также и то, что он почти совершенно открыт с суши: по линии в семь верст расположено было всего полтора десятка мелких орудий. Все знали, что было время укрепить как следует подступы с суши, и все видели, что Меншиков не только сам не делал никаких распоряжений на этот счет, но даже изумлялся, когда ему говорили об этом другие» [4].

В русском языковом сознании второй половины XIX в. компонент-концепт «Политика» представлен двумя смысловыми блоками — «внутренняя политика» и «внешняя политика». Лексемы, относящиеся к блоку внутренняя политика, отражают основной внутривнутриполитический курс государства, основные направления его деятельности.

Существенный фрагмент сложной ментальной единицы «Крымская война» представлен информацией, связанной с верой в Бога, его помощью в войне и отношением противника к православным святыням. Компонент-концепт **«вера»** в концепте «Крымская война» актуализирован ключевыми лексемами, значимыми для русской лингвокультуры любого исторического периода, — вера, Бог, церковь. В период Крымской войны они приобретают первостепенное значение, так как война 1853–1856 годов шла для русских под знаком Христа. Участие Российской империи в Крымской войне воспринимается как выполнение Божьего предначертания. Когнитивный признак «воля бога». Война — испытание, посланное православным Богом для укрепления русских в их вере. Когнитивный признак — «укрепляет людей». Когнитивный признак «обращение к богу» раскрывается в молитве за обедней о победе наших войск. Как один из атрибутов веры молитва включает в себя следующие компоненты: молитва, поклон с молитвой, благодарственная молитва, молитва Богу с коленапреклонением.

В концепте отразилось то, что Крымская война — это война за православие. В структуре компонента-концепт «вера» русского языкового сознания эпохи Крымской войны присутствуют лексемы, содержащие в своем значении сему «православная»: «Кто не знает, что у врагов наших одно из душевнейших желаний состоит в том, ... чтобы отторгнуть здешнюю страну от состава России? Но скорее не останется во всех здешних горах камня на камне, нежели мусульманская луна заступит тут место креста Христова!.. Итак, не унывай,

богоспасаемый град Севастополь, от множества и от злобы врагов, тебя обышедших, памятуя, что ты преемник не Ахтиара мусульманского, а православного Херсонеса Таврического!» [4].

На религиозную подоснову Крымской войны указывает отношение неприятеля к церковным ценностям православных. Так, ценности православного народа во время Крымской войны подвергались осквернению войсками союзников. Признак «уничтожение православных святынь».

Компонент-концепт **«враг»** базируется в русском языковом сознании эпохи Крымской войны главным образом на понятии «католики» как враги православия и в целом православной России. Номинантами данного компонент-концепта являются лексемы «европейцы», «русские», «французы», «англичане», «неприятели». Признак — «ведут военные действия»; когнитивный признак «грабят»: «Однако имущество их было уже в руках других хозяев, которые простую мебель ломали на дрова, более ценную отправляли на пароходы; срывали обои и распарывали матрацы, ища, не спрятаны ли где деньги и золотые вещи; платье разбирали по рукам; стенные зеркала разбивали на куски» [4].

Когнитивные признаки — «объединение против России», «подготовка к военным действиям», «военные действия», «нападают на мирных жителей», «отсутствие единства», «нарушение границ», «строят укрепления», «сдаются русским», «мерзнут». Интеллектуальные способности врага отражены в когнитивном признаке «хитрый».

Частью концепта «враг» является компонент **«европейцы»**, его когнитивный признак — «зачинщики войны». Европейцы способны на ложь. Они предали Христа. Признак — «измена христианству»: «Вы оправдаете доверие и заботы о нас государя и генерал-адмирала и убедите врагов православия, что на бастионах Севастополя мы не забыли морского дела, а только укрепили одушевление и дисциплину, всегда украшавшие черноморских моряков» [4]. Ещё одной составляющей концепта «враг» является компонент «турки». В русской языковой картине мира содержится информация о том, что турки рассчитывали на помощь французов и англичан в войне с Российской империей. Когнитивный признак — «просьба о помощи». Негативная оценка турок имплицитно содержится в признаке «проливают русскую кровь». В русском языковом сознании при номинации турок используют лексику «мусульмане»: «Левее французов начали выстраиваться красномундирные английские полки, а еще левее их турки, очень заметные издали по своим малиновым фескам с широкими синими кистями» [4].

Компонент-концепт **«воин»** — один из центральных в эпосе Сергеева-Ценского. В языковом сознании русских воин предстает как защитник Родины. В лексический ряд лексем-номинантов компонент-концепта «воин» входят лексемы «воин», «защитник», «наши защитники»; «защитники России» «защитники чести России», «защитники славы России». Прилагательные храбрый, отважный, смелый, неустрашимый используются для характеристики воинов, защитников империи. Когнитивные признаки — «смелые», «решительные»: «Севастополь был слишком отрезан от остальной России того времени, чтобы моряки его не спаялись в очень дружную семью. У них было и еще одно могучее средство спайки: чувство своей явной необходимости для государства» [4]. «Это сознание своей необходимости развило в каждом моряке и чувство собственного достоинства и готовность к решению любой ответственной задачи и жертве собою» [Там же].

Когнитивный признак «военачальники» представлен именами собственными, с которыми общественность связывала военные действия. Слова генерал, генерал-майор, контр-адмирал, генерал-адъютант, генерал-лейтенант отражают воинские звания высшего командного состава, а слова командующий войсками, командующий левым флангом и прочее — воинские должности.

Воины вызывают восхищение общественности — когнитивный признак «гордость». Общество благодарно защитникам Империи — когнитивный признак «благодарность».

Накануне Крымской войны и в период проведения военных действий не были

созданы надлежащие условия для оказания квалифицированной помощи пострадавшим. Для помощи раненым военнослужащим и мирным жителям были развернуты постоянные и временные госпитали, перевязочные пункты, но их количество было ограничено. Данная информация была актуализирована Компонент-концепт «**раненые**» следующими когнитивными признаками: «антисанитарные условия», «отсутствие перевязочного материала» [ср. 2, с. 37]: «Русские тяжело раненные дня два оставались совсем без помощи; одни из них умерли там, где легли в бою; другие нашли в себе силы кое-как добраться до деревень <...>; но большинство тех, кто мог выжить без помощи врачей, без питья и пищи два дня, было подобрано на третий день санитарями союзников, врачи наскоро делали перевязки, раненых переносили на английский пароход и отправляли, как заранее решил Раглан, в Одессу, где они прежде всего попали на три недели в карантин и только после того были устроены в лазареты» [4].

Помощь медикам оказывали добровольцы. В организации работы госпиталей принимали участие сестры милосердия Крестовоздвиженской общины. Когнитивный признак — «помощь сестер милосердия».

Компонент-концепт «**дороги**» представлен в концепте «Крымская война» только в интерпретационном поле. Он номинирован лексическими единицами дороженька, улица, ров, непроходимая, узкая, не мощенная. Все данные единицы содержат сему «плохие». Оценочный когнитивный признак «плохие» экспонирует практическое отсутствие дорог по всему театру военных действий [ср. 2, с. 38]: «Меншиков на устройство окружной саперной дороги в окрестностях Севастополя, дороги, которая должна была иметь очень важное значение в случае действия неприятеля с суши, ассигновал из казенных средств всего только двести рублей, а дорогу нужно было проложить в каменистом грунте и протяжением на шестьдесят верст. Инженерное ведомство, добивавшееся у Меншикова согласия на устройство саперной дороги, не могло не охладеть к ней, получив такую сумму; дорогу начали было проводить силами солдат, но скоро бросили...» [4].

Одним из ключевых компонент-концептов в сложной когнитивной структуре концепта «Крымская война» является компонент-концепт «Севастополь». Это связано с тем, что русская общественность, несмотря на широкий театр военных действий, Крымскую войну связывала с военными действиями за Севастополь с выходом к Черному морю. В номинативное поле компонент-концепта «Севастополь» входят следующие лексические единицы: Севастополь и город. Значимость Севастополя заключается в его уникальном географическом положении. Город окружен морем, расположен на границе Степного и Горного Крыма — когнитивный признак «географическое положение».

Единственным наиболее укрепленным к началу войны в Российской империи был город Севастополь — признак «хорошо укреплен». Защитники города мужественно отражали неприятеля — когнитивный признак «сдерживают осаду». Условия обороны были невероятно трудными. Недоставало всего — людей, боеприпасов, продовольствия, медикаментов. Защитники города знали, что они обречены на смерть, но не теряли ни достоинства, ни выдержки — семантический признак «защита».

Ужасы войны не мешают человеку воспринимать прекрасное. В компонент-концепт входят также слова, отражающие непревзойденный вид Севастополя и бухт — когнитивный признак «красота»: «И тогда на Приморском бульваре, где стоял бронзовый памятник герою Черноморского флота — лейтенанту Казарскому, начиналось гулянье, и Севастополь мог показаться даже любому мизантропу самым счастливым, самым веселым городом в мире» [4].

«Севастополь по самому чину военной твердыни, предназначенной охранять весь юг Европейской России, был подчеркнута мужской город. Из сорока двух тысяч его населения в те времена тридцать пять тысяч приходилось на войско гарнизона и матросов флота...» [4].

«По всей основной шестикилометровой бухте, которая называлась Большим рейдом,

и по рукаву ее — Южной бухте — стояли картинно красивые, хотя и со свернутыми парусами, корабли, фрегаты, бриги, бригантины, корветы, яхты, тендера, транспорты, шкуны и многочисленный купеческий флот» [4].

Утрата Севастополя — утрата всей славы, всей России — признак «значение Севастополя, когнитивный признак «вызывает сожаление».

Таким образом, обобщая, отметим, что концепт «Крымская война» является сложным композитивным образованием. Образный компонент является наиболее яркой составляющей концепта. Образный состав романа «Севастопольская страда» включает единицы, содержащие значимую национально-культурную информацию и передающие через определенное образно-оценочное представление этнокультурное своеобразие мировосприятия русских эпохи Крымской войны.

В состав концепта «Крымская война» романа-эпопеи С. Сергеева-Ценского когнитивные признаки, представляющие Крымскую войну как комплексное явление, и когнитивные признаки, эксплицирующие общественно-историческое событие как производную ряда концептов: «воин», «враг», «европейцы», «Крым», «мир», «политика», «раненые», «Россия», «русские», «Севастополь» и «царь».

Изучение структуры и содержания концепта «Крымская война» представляет несомненный научный интерес, поскольку позволяет выявить признаки, присущие концепту «война» любой исторической эпохи, и универсальные концептуальные признаки, характеризующие языковой сознание определенной исторической эпохи.

Литература

1. Адонина Л. В., Моря Л. А. Речевые образы Крымской войны и Севастополя в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого // Социокультурные исследования: история и современность. Сборник научных и учебно-методических статей. — М., 2004. — С. 193–202.
2. Долгополова Л. В., Адонина Л. В. Вербализация лингвокультуры «Севастополь» в «Севастопольских письмах» Николая Пирогова // Гуманитарная парадигма. — 2017. — № 3. — С. 36–43.
3. Рамазанова Ш. Концепт «Крымская война» в русском языковом сознании второй половины XIX века : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Рамазанова Шелале; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. — М., 2012. — 217 с.
4. Сергеев-Ценский С. Н. Собрание сочинений: в 12 т. — М. : Правда, 1967.
5. Фисенко О. С. Концепт как ментальное образование // Социально-гуманитарное знание: традиции и инновации: Сборник научных статей. — Кафедра социальной работы и социального права Российского государственного социального университета. — Москва, 2015. — С. 204–206.